

Снег шёл всю ночь и к полудню лишь усилился. Зима в этом году с самого начала была снежной, пышной, и тёплые ткани у любого сословия были нарасхват.

Юн Шань поднялся рано утром, когда на улице было ещё темно. Снаружи завывал холодный северный ветер, и по собственной воле люди старались не выходить за пределы тёплых домов, однако с лица принца не сходила мягкая улыбка. В подобный холод стоило бы быть хмурым, как все недовольные погодой, но он не мог избавиться от особенного чувства, поселившегося в груди.

Впервые за много лет, проведённых во дворце, Юн Шань был счастлив.

Ещё никогда он не просыпался в столь приподнятом настроении. Слугам каждое утро приходилось довольствоваться его спокойным лицом, — принц не имел привычки буянить от недосыпа, даже если поспать удавалось всего несколько часов, но никогда не улыбался, и ещё никому не приходилось видеть, как он довольно потягивается. Обычно девушки молча приносили ему тёплую воду для умывания, завтрак и чистую одежду. Сегодня же они впервые заметили довольную улыбку на лице молодого принца, который, кажется, и не желал этого скрывать, предпочитая добродушной настрой своему привычному.

Когда Юн Шань накинул на себя тёплый меховой плащ и направился к матушке, встреча с которой у него была сегодня запланирована, путь ему преградила наложница Цзин. Рядом с ней стоял Юн Шэн, пятый сын[1] императора и самый младший из братьев. Женщина остановилась, стоило ей только заметить идущего навстречу кронпринца, а затем растянула губы в радостной улыбке.

— Ваше Высочество, Вы, должно быть, любите свою матушку, раз направляетесь к ней в такой сильный снегопад, — произнесла женщина, изящная шея которой была скрыта под меховой накидкой. — Вы совсем не как мой сын: я попросила его пойти со мной к госпоже императрице, а он всё упрямылся, пока я не надавила на него.

Юн Шэн был юношей с большими яркими глазами и густыми бровями, которые передались ему от императора. Обычно он держался в стороне, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, однако в этот раз ему пришлось поздороваться со своим братом и выразить ему почтение, поскольку они столкнулись лично.

Небрежно бросив пару вежливых слов, Юн Шань прошёл во дворец, больше не вспоминая о наложнице Цзин и её сыне. Он старательно прятал в себе ту сокровенную радость, что охватила его сердце, и это было нормально. Юн Шань был счастлив, но в императорском дворце каждый, кто терял голову от счастья, мог потерять и жизнь. Он заставил своё лицо принять равнодушный вид и прошёл вперед, чтобы встретиться с матушкой.

В это снежное утро императрица облачилась в длинное алое платье с пурпурной бахромой на подоле. Она была очень красивой женщиной, которая в свои годы сохранила молодость и элегантный вид. Она была изящна и легка, но каждый, кто смотрел ей в глаза, видел властный и твёрдый характер. Она сидела за небольшим столиком, и когда Юн Шань обратил на себя внимание, она оторвалась от тёмного подноса, на котором лежала парчовая ткань и несколько яшмовых подвесок. Она поприветствовала сына, а после взяла одну из них, принявшись вертеть в руке.

— Ты встретил наложницу Цзин по пути ко мне? — спросила она, одарив кронпринца мимолетным взглядом.

— Да, — ответил Юн Шань, присев рядом с матушкой. Он всегда так делал, даже если от

неё не звучал приказ сесть. Между ними были вполне приемлемые отношения, и Юн Шаню не требовалось разрешение на что-то настолько простое.

— И Юн Шэна?

— Да.

— Они приходили ко мне несколько минут назад, чтобы преподнести этот подарок, — произнесла ласковым голосом императрица, а после неожиданно резко сжала в руках украшение и холодно продолжила: — Только я не думаю, что подарок крысы принесёт мне удачу. Меня нужно будет поздравить, когда мой сын станет наследником престола.

Юн Шань безразлично согласился со словами матушки, которая сегодня была в чуть приподнятом настроении. Украшение опустилось обратно на поднос, и императрица заинтересовалась другим, более аккуратным.

— Впрочем, говорить о ней бессмысленно. Сегодня я хочу отправиться в Холодный Дворец и навестить наложницу Ли, — произнесла императрица Шу будничным тоном, а после ненадолго замолчала и поглядела на Юн Шаня, который всё ещё не проявил по этому поводу никаких эмоций. Она снова улыбнулась, а затем продолжила, предаваясь воспоминаниям: — Мы с ней были любимыми наложницами императора, обе жили во дворце и всегда боролись за титул лучшей. Мы ни в чём не уступали друг другу и даже забеременели в один день.

Женщина ахнула и опустила украшение обратно на поднос. На её губах расцвела лёгкая усмешка, которая придала её лицу презрительный вид. Очевидно, она не питала тёплых чувств к сопернице, которая уже давно признала поражение.

— Я потратила столько сил и денег, чтобы задержать роды у Ли, но она всё равно меня опередила, сделав Юн Ци вашим старшим братом. Все знали, что он ненавидит военное дело и предпочитает науки — должно быть, он воевал за первенство его матери, и потому навоевался до конца своих дней. И что с того, что он первенец? Он — провал!

Императрица поглядела на своего сына, который оставался всё таким же безразличным, даже когда его брата называли бесполезным. Он никак не отреагировал на её слова, и женщина, вновь отведя взгляд, задумалась ненадолго и продолжила:

— Ты вчера ездил во Дворец Наказаний?

— Да, — покорно ответил Юн Шань, не желая скрывать что-то от своей матушки.

— Встречался с Юн Ци?

— Да.

— Значит, ты видел и Чжан Чэня?

— Верно. — На губах Юн Шаня возникла лёгкая ухмылка.

Императрица уловила эту смену эмоций и подняла глаза на юношу. Их взгляды встретились, и ей показалось, что она не выдержит дольше, — это заставило её отвернуться и невольно вздохнуть.

Говорят, что нет связи сильнее, чем между матерью и ребёнком. Императрица любила

своих детей, и она многое сделала для них, но ей всё чаще казалось, что Юн Шань в её чреве отдал всю любовь и ласку своему брату, оставив для себя лишь холод и безразличие. Они росли на её глазах, и она с раннего их детства замечала, что в её старшем сыне образуется кусочек льда вместо сердца. Она не знала, чего ожидать от этого юноши, и постепенно этим чувством прониклись все остальные обитатели дворца.

Молчание затянулось. Юн Шань обладал одной очень раздражающей чертой: всякий раз, когда возникала подобная неловкая пауза, он сидел с преспокойным лицом и молчал, будто это его вовсе не беспокоило. Пока другие люди пытались вдохнуть в беседу новую жизнь, этот юноша предпочитал вовсе никак не реагировать на тишину.

Императрица снова разомкнула алые губы:

— Но я знаю, что Юн Ци хороший мальчик, пусть и не борец. И император, твой отец, тоже это прекрасно понимает.

Юн Шань лишь тихо согласился с ней.

— Только я не понимаю, зачем император отправил Юн Ци в Наньлинь, а после вернул его обратно? Вероятно, это из-за происхождения его матери, — рассуждала женщина вслух. — Она же из семьи Сунь, ты помнишь? Род, веками имевший власть, теперь лишился её, но не упускает возможности вернуть себе былую славу — война, смута, что угодно. Твой отец, Юн Шань... Он заключил Юн Ци под стражу ради тебя. Таковы мои мысли.

Юн Шань тихо сидел рядом и слушал матушку, безразлично глядя на драгоценности, которые она вертела в руках. Кажется, ей они тоже не слишком понравились, потому что она совершенно без всякой осторожности швыряла их обратно на поднос, не боясь разбить, и брала новые.

— Отец-император приказал допросить Юн Ци во Дворце Наказаний, но не пытаться или убивать, — произнес Юн Шань, когда матушка замолчала.

Императрица поднялась со своего места. Её брови чуть дёрнулись в раздражении, и она бросила на сына колючий взгляд.

— Ты обвиняешь меня? — спросила она, когда Юн Шань вежливым жестом предложил матушке присесть обратно. Она умерила свой пыл и послушала сына, пусть и выглядела уязвленной.

— Матушка, — начал Юн Шань почтительным тоном, — Вы всё делаете для своих детей, и я не виню Вас в том, что Вы сделали. Вы правы: за семьёй Сунь нужно пристально следить, и я согласен с Вами, но не забывайте, что и наложницу Цзин игнорировать не стоит.

Да, он обвинял её.

Императрица кивнула ему в ответ, согласившись. Если бы вместо старшего сына рядом с ней был Юн Линь, она бы наверняка отругала его за столь смелые советы, однако в присутствии Юн Шаня она не могла позволить себе подобного. Юн Шань, мрачный и холодный, вгонял в необъяснимую панику всех, порой даже родную матушку. Немного успокоившись, женщина продолжила:

— Если ты всё понимаешь, то не допусти, чтобы мои силы были растрочены понапрасну.

— Только если Вы не тронете Юн Ци.

Императрица поглядела на Юн Шаня, прищурившись. Пусть его лицо и выразило на какое-то мгновение ласковую любовь к матушке, юноша всё равно излучал совершенное безразличие ко всему происходящему. Что у него в голове? Кто по-настоящему знает его? Он говорил так, будто его слова непреложны, а возражать абсолютно неуместно. Юн Шань с детства был крайне упрямым ребенком, непробиваемым, и воспитывать его было ужасно тяжело. И этот человек через два дня официально станет кронпринцем. Будет ли страна процветать с таким упрямым правителем во главе? Женщина поджала губы, в мыслях тщательно подбирая слова для ответа.

— Юн Ци всего лишь бывший кронпринц, однако...

— Не трогайте наложницу Ли и семью Сунь, — перебил её холодно Юн Шань, и крупинцы ласки покинули его взгляд. — Если Вы передадите дело Юн Ци в мои руки, то можете не переживать более по этому поводу. Ничего страшного не произойдёт.

Императрица перевела взгляд на старшего сына. Этот юноша сидел с прямой спиной и высоко поднятой головой в присутствии собственной матери. Его губы были растянуты в лёгкой вежливой улыбке, но взгляд источал такой холод, что женщина невольно почувствовала, будто замерзает. Слова Юн Шаня напряжённо повисли в воздухе, и императрица должна была дать какой-то ответ.

Императрица Шу вздохнула. Никто не мог справиться с этим ребенком, и даже если бы она хотела противостоять ему, ей бы не хватило внутренней силы. Её сына словно что-то подпитывало изнутри, он испытывал какие-то чувства, которые были его стержнем, и она не могла бороться с этой несгибаемой волей. Возможно, именно поэтому император выбрал Юн Шаня — этот юноша, став следующим правителем, сможет вынести на себе весь груз ответственности перед страной.

— Хорошо, — согласилась женщина, — я передам тебе дело Юн Ци, если ты поможешь мне в одном деле.

— В каком, матушка?

— Я хочу увидеться с Юн Линем, — улыбнулась императрица, но на её губах остался горький отпечаток материнской скорби. — Уговори императора отдать приказ вернуть Юн Линя обратно. Дворец огромен, и на каждом углу прячутся враги, готовые вонзить нож в спину. Ты и Юн Линь — мои родные дети, моя единственная опора и защита. К тому же, если он будет здесь, то обязательно поможет тебе и поддержит. А помощь родного брата лучше, чем помощь постороннего, разве нет?

Юн Шань притворился, что глубоко задумался над словами матушки, и перевёл взгляд на окно, за которым до сих пор падал снег.

Опять Юн Линь. Юн Шань всё прекрасно понимал: даже родная матушка любила его младшего близнеца больше, чем его. Она старалась убедить себя в том, что ей важны оба, но Юн Шань не осуждал её. Разве кому-то может не нравиться Юн Линь?

Он всегда выглядит радостным и счастливым, и если кто-то увидит его улыбку, то невольно начинает радоваться сам, и если Юн Линь познакомится с кем-то и заведёт разговор, то уже через какое-то время создастся ощущение, что они очень давние приятели. Все служанки и придворные евнухи тайно шептались, что эти двое словно не имеют больше сходств, кроме

внешности, — третий принц очень общительный и веселый, а в компании второго принца каждого бросает в дрожь. От улыбки Юн Линя каждому становилось спокойно, но если улыбался Юн Шань, эффект был обратным.

— Ты согласен? — снова раздался голос императрицы.

Юн Шань взглянул на матушку, позволив себе тень улыбки.

— Я сделаю всё, что Вы хотите, матушка, — разомкнув мраморные губы, произнес он. — Дайте мне три месяца, и я найду способ вернуть Юн Линя обратно во дворец.

— Это слишком долго. Я даю тебе месяц, — сказала императрица. — Это дело — пустяк. Ты всего лишь должен выбрать момент, когда у императора будет хорошее настроение, и поговорить с ним. На что тебе три месяца?

— Что же, — сказал Юн Шань, немного подумав, — месяц — тоже неплохо. Наложница Ли...

— С ней всё будет хорошо, можешь не беспокоиться о ней, — решительно перебила юношу императрица. Она ненадолго замолчала, а после продолжила, не в силах стереть со своего лица лёгкое беспокойство: — Ты уже взрослый и не нуждаешься в наставлении старших. Ты прекрасно знаешь, что жизнь во дворце — театр масок. Обычные люди думают, что это место изобилует роскошью и утонченными манерами, но на деле же здесь творится настоящий хаос. Однако Юн Ци, этот ребенок... В конце концов, он твой старший брат.

Юн Шань ничего не ответил. Он потянулся к подносу с украшениями и принялся вертеть в руках дорогую яшмовую подвеску, которая была преподнесена его матери в качестве подарка. Заметив его холодную реакцию, полную безразличия, императрица невольно почувствовала обиду. Когда речь заходила о Юн Ци, Юн Шань тут же прекращал разговор. Для него обсуждение старшего брата было запретной темой.

Немногие понимали Юн Шаня. Этот принц был скрытным, холодным, и добиться его расположения было совершенно невозможно. Он поощрял, но холодно, хвалил, но без удовольствия. Для многих общение с ним было пыткой, и лишь его матушка знала о сыне хоть что-то, что позволяло ей немного его понять.

Если бы подобным образом себя вёл Юн Линь, императрица вlepила бы ему затрещину и отругала — на этом бы плохое поведение закончилось. Но, как назло, перед ней стоял Юн Шань.

Этот юноша ко всему относился равнодушно и холодно, но если ему на глаза попадалось что-то по-настоящему ценное и редкое, оно непременно должно было принадлежать ему. Он никогда не обращал внимание на безделушки, но если что-то необычное попадало ему в руки, он не был намерен это отпускать.

— Юн Ци не похож на других, — после долгого молчания холодно закончил Юн Шань, — и я знаю это.

Выразив почтение матушке, юноша поднялся с места, вернул яшмовое украшение на поднос, более им не интересуясь, и вышел. Императрица подошла к окну и, слегка приподняв тонкую занавеску, посмотрела вслед удаляющемуся сыну, чей силуэт растворялся вдали, сокрытый от её глаз снегопадом. Несмотря на снежную завесу, его фигура выглядела всё такой же решительной и непреклонной.

Она непрерывно смотрела ему вслед. Как только Юн Шань перешагнул порог дворца, выходя во двор, императрицу охватила тревога, и тяжёлый вздох вырвался из груди. Она едва заметно поджала губы, но не от досады или злости, — так делают женщины, которые повидали слишком много, чтобы поддаваться сильным эмоциям. Не впервые она чувствовала нечто подобное.

Снег медленно кружился в воздухе, оседая на плечах Юн Шаня, который после аудиенции с матушкой отправился во Дворец Наказаний. Покинув тёплый паланкин, юноша, не обращая внимания на оседающие на волосах снежинки, сразу отправился к камере Юн Ци.

Чжан Чэнь был его неизменным сопровождающим. Это дело имело к нему прямое отношение, но теперь его сковывал тот приказ, который отдал ему принц ещё вчера. Чиновник не имел права на ошибку — он слишком быстро понял, что свергнутый кронпринц, ныне называемый изменником и предателем, дороже своему брату куда сильнее, чем это может показаться на первый взгляд.

— С Юн Ци всё хорошо? — внезапно спросил Юн Шань, а после заметил, как вздрогнул Чжан Чэнь, чуть бледнее. Принц чуть заметно нахмурился.

— Ваше Высочество...

Услышав подозрительные нотки, Юн Шань внезапно остановился и, обернувшись, одарил мужчину колючим взглядом.

— Что такое? — спросил он.

Чжан Чэнь колебался, но после он всё же нерешительно ответил:

— У него жар.

Юн Шань нахмурился сильнее, и теперь его лицо выражало пугающее недовольство.

— Жар? — мрачно спросил он. — Как это могло случиться? Ещё вчера он был здоров.

Чжан Чэнь высказал своё предположение:

— Я слышал, — начал он неспешно, тщательно подбирая каждое слово, — если человек заболевает так неожиданно, это от... от перенесённого ужаса.

А ведь Юн Ци был в ужасе.

После того, как Юн Шань ушёл, Юн Ци привели в порядок. Никто ни о чём не спрашивал — во дворце за такое любопытство можно было лишиться головы. Слуги послушно убрали за принцем, принесли ему завтрак, но не прошло и часа, как и без того вялого пленника охватил сильный жар. Услышав об этом, Юн Шань ускорил шаг и ворвался в комнату, громко распахнув двери.

Юн Ци лежал в постели, укрытый одеялом. На его лице играл нездоровый румянец, и с губ срывалось тяжёлое дыхание. Нет, этот человек определённо не мог быть здоров, и он не мог притворяться. Подойдя к постели, Юн Шань опустился на её край и внимательно поглядел на Юн Ци. Спустя какое-то время, принц свёл брови к переносице и требовательно спросил:

— Почему вы раньше мне об этом не доложили?

Его голос звучал по-настоящему встревоженно. Этот юноша, который никогда ни о чём не беспокоился, теперь всем своим видом выражал неподдельное волнение. Непорядок. Он прикрыл глаза, сделал глубокий вдох и уже через полминуты вернул себе самообладание.

— Вы уже пригласили придворного лекаря? — спросил он уже более спокойным голосом, ничем не отличающимся от его обычного.

— Ваше Высочество, придворный лекарь уже осмотрел его и выписал нужное лекарство. Мы дали его принцу Юн Ци, и ему стало лучше, поэтому...

Примечания:

[1]В китайской культуре число 4 (四) часто считается несчастливым, и его избегают во многих аспектах повседневной жизни. На китайском языке число 4 произносится как «sì», что очень похоже на слово «смерть, умирать» (死). У них буквально одно и то же произношение. Поэтому Юн Шэн не 4-ый, а пятый принц.

<http://bllate.org/book/13372/1189542>